

МЕЛИССА ДЕ ЛА КРУЗ

АЛЕКС

&

ЭЛИЗА

Любовь, изменившая историю

Мелисса Круз Алекс & Элиза

Серия «Любовь вне времени»

Текст предоставлен издательством

<https://litres.ru/51694814>

Алекс & Элиза: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119692-9

Аннотация

1777 год. Олбани, Нью-Йорк. Пока вокруг все еще слышны отголоски Американской революции, слуги готовятся к одному из самых грандиозных событий в Нью-Йорке: балу семьи Скайлер. Они потомки древнейшего рода и основателей штата. Вторая их гордость – три дочери: остроумная Анжелика, нежная Пегги и Элиза, которая превзошла сестер по обаянию, но скорее будет помогать колонистам, чем наряжаться на какой-то глупый бал, чтобы найти жениха. И все же она едва сдерживает волнение, когда слышит о визите Александра Гамильтона, молодого беспечного полковника и правой руки генерала Джорджа Вашингтона. Хотя Алекс прибыл с плохими новостями для Скайлеров, эта роковая ночь, когда он встречает Элизу, навсегда меняет ход американской истории...

Содержание

Пролог	6
1. Средняя дочь	12
2. Смотр войск	21
3. Посыльный	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мелисса де ла Круз Алекс & Элиза

Melissa de la Cruz

ALEX AND ELIZA: A LOVE STORY

Copyright © 2017 by Melissa de la Cruz

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

© И. Меньшакова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Посвящается Мэтти, которая так хотела
узнать о них больше...*

Любимый Вами, я буду счастлив всегда, смогу с достоинством и твердостью встретить любой удар судьбы.

Тем не менее я не могу не умолять Вас обдумать прежде все недостатки нашего союза и оценить, не обманывая себя, надолго ли вы сможете сохранять нежные чувства ко мне и быть счастливой, без привычного для вас изысканного окружения. Если судьба будет к нам благосклонна, то готовность

к невзгодам не станет помехой благоденствию, но, если она отвернет от нас свой лик, мы будем готовы принять ее немилость без недовольства и разочарования. Ваше будущее положение в руках слепого жребия; со мной Вы можете как достичь высот, так и вести скромную, простую жизнь, причем второе более вероятно.

Внимательно загляните в свое сердце.

Письмо Александра Гамильтона к Элизабет Скайлер, август 1780 года.

Пролог

Особняк на холме

Олбани, штат Нью-Йорк

Ноябрь 1777 года

Словно греческий храм, выстроенный в наши дни, особняк семьи Скайлер расположился на вершине пологого холма в пригороде Олбани.

Построенное не более десятка лет назад, великолепное поместье под названием «Угодья», тем не менее, уже считалось одним из лучших владений столицы штата Нью-Йорк, в немалой степени благодаря изысканности внутренней отделки и мебелировки. Но главным украшением особняка, безусловно, являлась композиция «Руины Рима», написанная в технике гризайль¹ на настенных обоях в бальном зале второго этажа, привезенных Филиппом Скайлером из его годовичного турне по Европе в 1762 году.

На местное общество, определенно, производили впечатление и размеры поместья, и его элегантность, но более все-

¹ Гризайль (*фр. Grisaille* от *gris* – серый) – вид живописи, выполняемой тоновыми градациями одного цвета, чаще всего сепии или серого, а также техника создания нарисованных барельефов и других архитектурных или скульптурных элементов. В гризайли учитывается только тон предмета, а цвет не имеет значения. – *Здесь и далее прим. пер.*

го поражало выдающееся происхождение его хозяев, генерала и госпожи Скайлер. Филипп был потомком союза семей Скайлеров и ван Кортландов, входивших в число старейших и знатнейших семейств Нью-Йорка, а его жена, Кэтрин, была из ван Ренсселеров, самой влиятельной семьи в северной части штата, чьи корни уходили напрямиком к первым голландцам, высадившимся на этом берегу в начале XVII века. Ренсселервик, как звалось их поместье, занимал более полумиллиона акров – необъятные владения, соперничать с которыми могло бы разве что имение семьи Ливингстон, владеющей, по насмешливому утверждению Кэтрин, «нижней частью» штата. Будучи замужней дамой, Кэтрин не имела прав на имущество семьи ван Ренсселер (как, впрочем, и на имущество мужа), но ходили слухи, что именно ее весьма значительное приданое позволило оплатить постройку особняка в Олбани и к тому же сельского поместья Скайлеров под Саратогой.

На пороге своего сорок четвертого дня рождения генерал Филипп Скайлер оставался весьма привлекательным мужчиной, высоким и подтянутым, с военной выправкой и шапкой густых волос, которые он, как и Джордж Вашингтон, слегка подвивал и припудривал, редко снисходя до элегантно-го (но вызывающего нестерпимый зуд) парика. В качестве командующего Континентальной армией Вашингтона Скайлер провел блестящую кампанию против британских войск в Квебеке в 1775 году, но вынужден был уйти в отставку в

июне того же года после сдачи форта Тикондерога, находившегося под его началом. Для Филиппа это поражение стало трагедией вдвойне. Британцы не только заняли форт, они еще и захватили ранее упомянутое поместье под Саратогой. Пусть и не столь великолепное, как особняк в Олбани, второе владение Скайлеров было все же достаточно роскошным для того, чтобы стать личной резиденцией Джона Бергойна, командующего британскими войсками. Но последней каплей стало то, что после взятия Саратогы Континентальной армией в октябре раздосадованный Бергойн, отступая, сжег и дом, и поля вокруг. Генерал Скайлер потратил почти все приданое жены на то, чтобы выстроить дом и засеять поля, которые должны были обеспечивать значительную часть дохода. И их утрата нанесла серьезный удар по благосостоянию семьи, бросив зловещую тень на ее будущее.

Не то чтобы это бросалось в глаза стороннему наблюдателю... Непривычный к безделью, генерал Скайлер последние четыре месяца провел, слоняясь по «Угодьям», пытаясь разбить новые клумбы в четко спланированном английском парке, систематизируя урожай садов с присущей военным дотошностью, руководя сооружением газебо², домиков для гостей и коттеджей для слуг – в общем, путаясь под ногами в равной степени и у членов семьи, и у работников. Сделав широкий жест, говорящий о рыцарстве, – а также об одолевающей его скуке, – Скайлер предложил разместить в «Уго-

² Gazebo (с англ.) – беседка.

дьях» пленного Джона Бергойна до его отправки на родину. Таким образом, прежний соперник Скайлера и его окружение, около двадцати крепких парней, «захватили» особняк в Олбани на целый месяц, и пусть жечь его, уезжая, не стали, но вот проесть солидную брешь в запасах принявшей их семьи смогли.

Кэтрин Скайлер, будучи на год моложе мужа, в юности считалась весьма привлекательной, но тринадцать беременностей за двадцать лет не могли не оставить следа на ее прежде осиной талии. Практичная, волевая и сильная духом, эта женщина похоронила шестерых детей, в том числе и тройняшек, не доживших даже до первого причастия. И если беременности лишили ее фигуры, похороны детей стерли с ее лица улыбку, и вид того, как муж растрчивает семейные средства, вряд ли мог поспособствовать ее возвращению.

Любовь госпожи Скайлер к тем семерым отпрыскам, что остались в живых, была заметна в заботе, которой она их окружила, начиная от самолично отобранных кормилиц и нянек, растивших детей, заканчивая наставниками, приглашенными, чтобы дать им образование, и поварами, нанятыми, чтобы обеспечить им здоровое питание. И как-то незаметно в обыденном круговороте рождений и смертей, деклараций и прокламаций, военных действий и времен года три девочки Скайлеров достигли брачного возраста.

Анжелика, старшая, была острой на язык, озорной брюнеткой, с блестящими глазами и губами, вечно изогнутыми

в лукавой усмешке. Пегги, младшая, выросла нежной красавицей, с талией такой тонкой, что корсет ей не требовался, с алебастровой кожей и копной сияющих темных волос, слишком роскошной, чтобы прятать ее под пудрой или париком (что бы там в своем Версале ни носила Мария-Антуанетта).

Элиза, средняя дочь, обладала и остроумием Анжелики, и красотой Пегги. К тому же она отличалась разумностью и любовью к книгам, и, к вящему ужасу госпожи Скайлер, идеи революции и отмены рабства привлекали ее намного больше, чем мечты выйти замуж за какого-нибудь состоятельного полковника.

Мать представления не имела, что будет с ней делать.

Три дочери, каждая – бриллиант в своем роде (хоть Элизе и нужен был сильный духом мужчина, чтобы заставить засиять все грани ее души.) При обычных обстоятельствах выдать их замуж было бы вопросом дипломатических договоренностей с первыми семьями штата Нью-Йорк, стремящимися объединить кровь и капиталы, подобно европейской аристократии. Но достойных семей в штате насчитывалось немного, а слухи разносились слишком быстро. Вопрос оставался в том, как скоро все узнают, сколько Скайлеры потеряли под Саратогой, ведь тогда девочки станут второсортным товаром на брачном рынке. Необходимо было – и для их собственного будущего, и для будущего семьи, – чтобы они все вышли замуж удачно.

И, что намного важнее, необходимо было сделать это

быстро.

Итак, госпожа Скайлер решила прибегнуть к стратегии, отлично послужившей ее матери в свое время.

Она устроила бал.

1. Средняя дочь

Особняк Скайлеров, Олбани, штат Нью-Йорк

Ноябрь 1777 года

Особняк на холме сиял тысячей огней. Каждое из двадцати окон, украшавших фасад здания, обращенный к реке, освещалось дюжинами свечей и ламп. Легкие тени скользили по шторам, словно копируя предпраздничную суету, в которую погрузился дом: слуги деловито переставляли мебель, чтобы освободить место для танцев, и накрывали столы легкими закусками и сладостями. В бальном зале второго этажа нанятые музыканты настраивали инструменты, вслушиваясь в малейшую фальшь. Наверху в личных покоях хозяева поместья стояли перед зеркалами, добавляя последние штрихи к своим бальным нарядам. На женщин уже надели фижмы и кринолины, а камзолы мужчин украсили кружевными манжетами и жабо.

По крайней мере, Элиза надеялась, что это были именно приготовления. Мать немилосердно отчитала бы их с сестрами, если бы они явились после прибытия гостей.

– Кто-нибудь уже приехал? – спросила она, шумно дыша под тяжестью своего груза. У каждой из сестер в руках были отрезы голубой шерсти и белого хлопка, пожертвованные состоятельными жительницами Олбани, чтобы сшить мун-

диры солдатам Континентальной армии.

– Вряд ли, – ответила, отдуваясь, Пегги, младшая. – Мы вышли от ван Бруков лишь в начале пятого, так что пяти быть еще не может. Мама приглашала гостей на пять.

– А мы-то знаем, что ни одна из дам Олбани не захочет прибыть на бал первой, – умудренно заметила Анжелика.

Элиза в сомнении прикусила губу.

– Пусть так, но войти нам лучше через черный ход. Если повезет, мама не заметит нашего возвращения.

Она почти ощущала на себе тяжесть строгого взгляда матери, пока они с сестрами, волоча четыре дюжины отрезков ткани, преодолевали все шестьдесят семь ступеней каменной лестницы, ведущей от подножья холма. На вершине же троица обошла особняк с южной стороны и двинулась через один из крытых портиков, соединявших главное здание с правым и левым крылом. Крыло с южной стороны занимал военный штаб их отца, и Элиза с удивлением отметила, что он освещен не менее ярко, чем главный дом. Мама пришла бы в ярость, если бы узнала о том, что папа работает прямо перед балом.

– Родители этим утром не ссорились? – уточнила она у сестер. – Даже думать не хочется, что папа может пропустить бал из-за каких-нибудь разногласий.

– Надеюсь, нет, иначе нас ждет унылый вечер. То, что мама считает пристойной музыкой, пристойнее всего звучало бы на панихидах. Есть в ней нечто похоронное, – заявила

Анжелика, недовольно фыркнув.

– Дот ничего не говорила? – спросила Элиза у Пегги, которая была на короткой ноге с горничной их матери.

Кому-то могло показаться странным, что прислуга, вероятно, знала больше девушек об отношениях между их родителями. Но Скайлеры, как и требовало того положение в обществе, были семьей строгих правил, к тому же довольно занятой, и, хотя в доме было семеро детей, для них абсолютно нормальным считалось встречаться друг с другом лишь за ужином. Слуги, напротив, все время что-то обсуждали, горничные, лакеи и работники с полей постоянно сообщали друг другу новости из жизни поместья. Потому-то Дот и была более осведомлена о нынешнем положении дел в семейных отношениях хозяев поместья. А крепкий и по своему нежный брак Скайлеров требовал недюжинных дипломатических ухищрений, вполне сравнимых с теми, что посол Франклин прямо сейчас использовал при дворе Людовика Шестнадцатого, чтобы привлечь французов на свою сторону в борьбе с Англией.

Пегги нахмурилась.

– Дот и впрямь упоминала, что Роджер – камердинер их отца – говорил, будто генерал ждет бала с не меньшим нетерпением, чем госпожа.

– Но мама наверняка серьезно рассердится на него за то, что он скрылся в штабе, а не помогает ей с приготовлениями, – сказала Анжелика.

– Чепуха, – заявила Элиза, – мама, скорее всего, счастлива, что он не путается под ногами.

Пегги добавила, судорожно пытаясь выглянуть из-за кучи ткани в руках:

– Во всяком случае, Роджер сказал, что папа ждал приезда адъютанта генерала Вашингтона.

– Что?! – хором воскликнули старшие сестры.

Элиза остановилась так внезапно, что Анжелика врезалась в нее.

– Папа возвращается на службу?

С тех самых пор, как его отправили в отставку после потери форта Тикондерога, генерал Скайлер писал бесчисленные обращения с просьбами доверить ему еще одну кампанию. Вся семья ощущала на себе его расстройство, и, видит Бог, им пришлось бы очень кстати генеральское жалование, но даже Элиза со всем своим патриотизмом была счастлива, что отец больше не участвует в сражениях.

– Дот сказала, что Роджер об этом не говорил, – ответила Пегги, подразумевая, что Роджер не знал сам – камердинер господина Скайлера был неудержимым сплетником, чего сам генерал почему-то не замечал, а вся остальная семья терпела, дабы иметь доступ к свежим новостям. – Но, правда, он упомянул...

Пегги многозначительно замолчала. На лице ее заиграла легкая улыбка.

– Да? – поторопила ее Элиза. По лицу сестры она догада-

лась, что та готовится преподнести им порцию свежайших слухов.

– Рассказывай!

– Адъютант, едущий на бал, – это полковник Гамильтон, – пискнула Пегги.

Анжелика подняла бровь, а Элиза попыталась скрыть предательский румянец. Как и всякая барышня из любой достойной американской семьи, Элиза слышала рассказы о самом молодом и самом доверенном адъютанте генерала Вашингтона – полковнике Александре Гамильтоне, который, если верить слухам, был невероятно хорош собой и отчаянно смел. Полковника Гамильтона призвали в американскую армию еще подростком, всего через пару лет после того, как он вернулся в Северную Америку из богатой сахаром Вест-Индии. Одни говорили, что он сын шотландского лорда и мог бы претендовать на титул баронета и солидное состояние, если бы выбрал сторону лоялистов, другие утверждали, что на самом деле он – бастард, незаконнорожденный ребенок попавшего в немилость сына одного из британских аристократов (ведь их там немало!), без имени и без гроша.

Тем не менее *достоверно* известно было лишь то, что полковник Александр Гамильтон, двадцати одного года от роду, был необычайно умен и зарекомендовал себя как блестящий эссеист, еще когда учился в Королевском колледже Нью-Йорка. Также было известно, что у него определенная репутация в отношениях с дамами. Давняя подруга Элизы,

Китти Ливингстон, несколько раз встречавшая полковника на светских раутах, писала Элизе о нем после каждой такой встречи. Ей приходилось быть довольно осторожной в этих письмах (Сюзанна Ливингстон, мать Китти, любила посплетничать не меньше Кэтрин Скайлер), но все равно было понятно, что она с этим молодым офицером отчаянно флиртует. Элизу забавляли письма Китти и весьма интересовал молодой человек, заставивший говорить о себе все американское общество.

Элиза бросила взгляд на окна отцовского штаба в надежде хоть мельком увидеть знаменитого молодого полковника, но не смогла различить ни одной фигуры в комнате, лишь смутные, колеблющиеся тени.

– Возможно, Черч представит нас. Уверена, они знакомы, – заявила Анжелика, имея в виду одного из своих поклонников, состоятельного мужчину, который практически не скрывал своего желания предложить ей руку и сердце. Старшая из сестер Скайлер была близка к тому, чтобы ответить согласием, ведь Джон Баркер Черч стремительно сколачивал один из самых крупных в стране капиталов, размеры которого были сопоставимы с состоянием ее отца (в те времена, когда британцы еще не спалили огромную его часть под Саратогой), а то и превосходили их. Но Анжелике слишком нравилось быть королевой балов, чтобы отказаться от этого так быстро.

– Будет забавно познакомиться с Гамильтоном, – продол-

жила старшая сестра. – В кои-то веки добавит вечеринке живости.

Элиза пожала плечами, удерживая на лице маску безразличия, но ее сестры хорошо знали, что прячется под ней.

– Может быть, надень ты сегодня что-нибудь более модное, тебе удалось бы привлечь его внимание, – сказала Пегги с хитринкой.

– И зачем мне это нужно? – возразила Элиза.

– Как любит говорить мама, на мед пчелы летят охотнее, чем на уксус, – отметила Пегги, напомнив о постоянных намеках матери на необходимость выбора подходящей партии – и как можно скорее.

– Да ладно, Пег, – отмахнулась Элиза, закатив глаза. – У меня нет никакого особого интереса к полковнику Гамильтону, просто банальное любопытство.

– Как скажешь, – согласилась Пегги, совсем не убежденная этими возражениями.

Ей не удастся скрыть свои чувства от сестер, поняла Элиза. Они знали ее слишком хорошо.

– Пег права, сегодня ты могла бы и постараться, – проворчала Анжелика. – Большинство девушек были бы счастливы иметь такую же фигуру. Так что тебе, по крайней мере, следует ее время от времени демонстрировать.

– Может, и так, – не стала спорить Элиза. – Но зачем стараться, если никто не посмотрит на меня, пока вы двое в зале?

Вопрос был задан искренне, без малейшего намека на ревность. Элиза гордилась сестрами-красавицами, а вот сама предпочитала прятаться в их тени.

– Ох, Элиза, отсутствие тщеславия – это, конечно, добродетель, но когда-нибудь ты должна будешь позволить нам помочь тебе засиять, – заметила Анжелика.

В отличие от этого спешшегося дуэта, Элизу не особо привлекала новая мода на утягивание талий, кринолины, напудренные декольте и высокие парики. Лишь месяц назад, отметив свое девятнадцатилетие, она начала носить простые платья насыщенного розового (который, кстати, изумительно подчеркивал ее цвет лица) или светло-голубого цвета (придававшего ее темным глазам еще большую яркость), с квадратным вырезом, скромно отделанным кружевом, чья прозрачность не столько скрывала интригующую ложбинку, сколько привлекала более пристальное внимание. Ее каштановые локоны, темнее, чем у Анжелики, но светлее, чем у Пегги, никогда не были украшены ничем сложнее чепчика, а обычно и вовсе заплетались в две косы и закреплялись кольцами, однако подчеркивая нежный овал лица и делая ее еще милее. Все это говорило о том, что, хоть Элиза и казалась, по выражению собственной матери, «излишне рассудительной», мнение молодых людей о ее внешности было для нее безразлично.

Элиза проворчала:

– Я хочу, чтобы человеку понравилась я сама, а не мой

гардероб.

– Красивая одежда – как яркие лепестки у цветка. Они указывают пчеле, куда садиться. А вот после этого пчела интересуется тем, что внутри, – заявила Пегги, снова цитируя мать.

Элиза закатила глаза.

– Я это слышала. В любом случае вам двоим пора в дом, готовиться, время уже позднее. Я схожу к ван Брукам за остатками тканей.

– Возвращайся поскорей, – велела Анжелика. – Времени у тебя немного, гости вот-вот начнут съезжаться – оглянуться не успеешь.

Уже сбегая с холма, Элиза крикнула в ответ:

– Хорошо!

2. Смотр войск

*Комната Элизы и коридор в особняке Скайлеров, Олбани,
штат Нью-Йорк*

Ноябрь 1777 года

Элиза вернулась почти час спустя. Она пристроила последний рулон ткани в штабель у стены и прокралась в дом, оставшись незамеченной никем, кроме помощника садовника, граблями разравнивающего гравий на дорожках, и работницы, идущей из кухни в северном крыле с подносом, полным закусок. По лестнице туда-сюда сновали с полдюжины слуг, но ей удалось не попасться на глаза ни членам семьи, ни, того хуже, гостям.

Крадучись, она миновала холл, и тут из детской выглянул светловолосый мальчик.

– Ты опаздываешь.

– Мама знает? – спросила Элиза у брата.

Джон Брэдстрит Скайлер, двенадцати лет, мрачно кивнул. Было решено, что будущий наследник слишком юн для бабов. Обиженный на то, что его вместо взрослых развлечений отправили к малышам в детскую, он не скрывал недовольства беспечностью Элизы.

Филипп Иеремия, девяти лет, потеснил брата в проеме двери и потянул Элизу за юбки, приглашая поиграть. Четы-

рехлетняя Ренсселер, ликуя, протянула к ней липкие от меда ручонки. Малютка Корнелия гулила на руках у няни, желая присоединиться к веселью.

Элиза рассмеялась, взяла младшую сестру на руки и расцеловала в обе щеки.

– У меня все платье теперь будет липким из-за вас, – сказала она детям, которые кружили вокруг нее. – Ну хорошо, быстро пробежимся по комнате один разочек. Поймайте меня, если сможете!

В детской она была любимой гостьей, поскольку единственная из старших сестер не чуралась повозиться с младшими на ковре или сыграть в догонялки. И теперь она, к радости ребят, разочек оббежала с ними вокруг камина в детской, прежде чем кинуться наверх и нырнуть в свою комнату, единственную в доме, где все еще не горел свет. Но и здесь Дот уже зажигала свечи в канделябрах на стенах и письменном столе.

Элиза рухнула прямо в середину кровати, не задев ни одного из столбиков балдахина.

– Я справилась!

– Мисс Элиза, постыдились бы, – пожурила ее Дот.

Крепко сбитая женщина среднего возраста, Дот когда-то была кормилицей сестер, и многие годы близости к подопечным позволяли горничной держать себя с ними достаточно – можно даже сказать, излишне – вольно.

– Ваши сестры уже готовы, а вы выглядите так, словно

весь день носились по полям. – Она распахнула гардероб и зарылась в ворох висящей внутри одежды. – У нас мало времени!

И только тогда Элиза заметила стоящий в углу комнаты манекен, облаченный в бальное платье. У нее перехватило дыхание. Платье – глубокого винного цвета с нежно-зелеными нижними юбками из парчи – было безусловно роскошным. Однако сейчас его широкие юбки нелепо обвисли без поддержки кринолина, который Дот, как раз закончившая поиски в гардеробе, держала в руках.

Элиза изо всех сил пыталась разобраться в хитросплетении обручей и лент кринолина, напоминающего, скорее, конскую сбрую, нежели деталь дамского наряда.

– Но я же говорила маме, что не хочу вычурное платье, – простонала она. – Нам, в тылу, не следует наряжаться как павлины, когда солдаты, сражающиеся за нашу свободу, одеты в лохмотья.

Дот пожала плечами.

– Но платье-то уже здесь. И вы не просили вашу мать шить его. – Женщина тут же сдавленно хихикнула. – К тому же вряд ли наши мальчишки надели бы такое в бой.

Элиза нахмурилась, не желая признавать поражение.

– Это неправильно. Целый год я убеждала всех дам Олбани тратить меньше на свои наряды, чтобы собрать денег на нужды армии. И если сегодня надену-таки дорогое платье, они признают меня лицемеркой.

– А если вы его не наденете, – вставила Дот, – мать вас живьем съест. – Тут она схватила свободный конец ленты, стягивающей лиф платья Элизы, и резко дернула.

Девушка скользнула с кровати, подальше от горничной.

– И этот оттенок намного, намного ярче, чем допустимо при моем цвете лица. Я буду похожа на перезревший персик.

– Немного пудры – и готово, – практично заметила Дот, снова взявшись за ленты лифа.

Элизу уже трясло от злости.

– Мама – такой манипулятор! Она же знает, что это противоречит всем моим принципам! И ей не следовало тратить столько денег на платье, когда финансы семьи находятся в столь плачевном состоянии.

Дот спрятала улыбку, которую Элиза и так вряд ли бы заметила, поскольку не сводила глаз с платья.

– Не надевайте его ради матери. Наденьте ради полковника Гамильтона, – поддразнила горничная.

Дот, похоже, слишком много времени потратила на болтовню с Пегги.

Элиза с трудом подавила желание огрызнуться. Ей не было никакого дела до того, что подумает о ней этот прославленный военный, как, впрочем, и любой другой мужчина. Она отдавала предпочтение удобству, а не показной роскоши.

– Но, мисс Элиза... – взмолилась Дот. – Ваша мать...

– Хорошо, хорошо! Я надену его, – сказала девушка так

обреченно, словно соглашалась провести день с тетушкой Ренсселер, старой девой, столь набожной, что всем другим занятиям предпочитала многочасовые чтения Библии вслух, и столь глухой, что ее племянницы срывали голоса во время этих бесконечных чтений. Дело в том, что Элиза прекрасно знала – не надень она это платье, гнев миссис Скайлер падет на Дот.

– Полагаю, нам лучше взяться за дело. На то, чтобы надеть его, уйдет не меньше часа...

Но тут за дверью, прервав ее, раздались два громких властных хлопка.

– Девочки, время проверки! Первые гости могут приехать с минуты на минуту!

Миссис Скайлер, возможно, и была лишь женой генерала, но иногда Элизе казалось, что мать сама скорее походит на прусского офицера, ведущего учения.

И тут девушка с радостью поняла, что теперь ей уже не хватит времени на то, чтобы надеть роскошное платье.

– Скорее, помоги мне привести себя в порядок, – велела она Дот.

Пока Элиза поправляла волосы и разглаживала платье, Дот успела слегка припудрить ей лицо и нанести немного краски на губы. Горничная с тоской оглянулась на прекрасный новый наряд.

Анжелика и Пегги уже стояли в холле, и Элиза скользнула за их спины, надеясь остаться незамеченной. Анжелика

блистала в платье цвета янтаря, густо расшитом пурпурными ирисами с зелеными листьями. Благодаря широкому кринолину ее фигура напоминала песочные часы, что особенно подчеркивал жесткий корсет, утягивающий ее и без того тонкую талию и приподнимающий грудь в декольте. Все открытые участки кожи, то есть шея, лицо и лоб, были густо напудрены и светились чистой молочной белизной, на фоне которой выделялись лишь розовые губки и блестящие глаза. Напудренный парик в стиле мадам де Помпадур добавлял ей почти фут роста и был сильно завит, но несколько локонов кокетливо спускались на обнаженные плечи.

Миссис Скайлер в наряде темно-фиолетового, почти черного, цвета оглядела старшую дочь с ног до головы и коротко кивнула.

– Безупречно.

Затем взмахом руки велела Анжелике отступить, а Пегги – выйти вперед. Платье цвета морской волны изумительно подчеркивало цвет ее глаз. Наряд украшали бутоны из амethystов, меж которых вились плети виноградной лозы, вышитые тончайшей золотой нитью. Кринолин у нее был меньше, чем у старшей сестры, что, впрочем, лишь подчеркивало природные достоинства ее фигуры, стройной и гибкой, словно ствол молодой ивы.

Хоть кожа Пегги была не столь густо припудрена, но декольте казалось не менее заметным, чем у Анжелики. Как обычно, она предпочла не прятать волосы под париком. Ло-

коны, достигавшие талии, сегодня были убраны в замысловатую прическу, высотой не уступающую парикку сестры. Элиза даже представить не могла, как Пегги и Дот удалось соорудить такую выдающуюся конструкцию за столь короткое время, но судя по легкому запаху сала, долетавшему до нее, смальца, потраченного на прическу, хватило бы на то, чтобы нажарить бекона на завтрак для всей семьи.

Миссис Скайлер, поджав губы, ухватила двумя пальцами рукав платья младшей дочери.

– Похоже, мне незнаком этот цветок, Маргарита.

Пегги робко улыбнулась.

– Он зовется лотос, мэм. Предположительно, родом из Китая.

Миссис Скайлер с минуту молчала. Затем последовал короткий кивок, что для этой скупой на эмоции женщины было равносильно крепким объятиям.

– Безукоризненно, – сказала она. И тут же вздохнула: – Элизабет. Выйди вперед, пожалуйста.

Элиза, в свою очередь, с трудом удержалась от вздоха. Ей следовало бы знать, что легко она не отделается.

Анжелика и Пегги разошлись, как театральный занавес, и Элиза шагнула вперед. На ней было платье, в котором она ходила весь день, насыщенно-лилового цвета, с легкими складками на юбке, но без всяких обручей и кринолинов, лишь слегка присборенное, чтобы виднелись более темные нижние юбки. Спереди лиф украшали фиолетовые кружева,

практически скрывшие декольте, да и то, что они не прятали, почти полностью прикрыла изысканная кружевная шаль, сплетенная самой Элизой.

Миссис Скайлер ничуть не изменилась в лице, но, щупая рукав платья Элизы, как до того Пегги, сильно ущипнула дочь. Той с трудом удалось не поморщиться.

– Это...хлопок? – ужаснулась миссис Скайлер.

Элиза с гордостью кивнула.

– Выращенный и сотканный в Америке, в провинции Джорджия. – И тут же покачала головой. – Я хотела сказать, *вшитате* Джорджия.

Миссис Скайлер отвернулась от средней дочери еще до того, как та закончила, и ее темные глаза нашли Дот, стоявшую у стены за спиной хозяйки.

– Мне казалось, я выбрала бордовое платье для мисс Элизы.

– Дот не виновата, мама, – вмешалась Элиза. – Просто бордовый не подходит к моему оттенку кожи, слишком темный.

Миссис Скайлер по-прежнему не отводила взгляда от Дот.

– Если бы девочка проводила меньше времени на солнце, как я и велела, – заявила она, обращаясь не к дочери, а к ее горничной, – то не было бы таких проблем. У нее веснушки, как у селянки, какому джентльмену это понравится? Немного пудры, чтобы осветлить кожу, и платье будет смотреться по-королевски.

– Да, мэм, – согласилась Дот.

– Мама, – снова начала Элиза, – я считаю, что истинные патриотки должны во всем быть примером. Как можем мы носить экстравагантные наряды и лакомиться изысканными блюдами и десертами, когда многие наши солдаты замерзают в лохмотьях и перебиваются с хлеба на воду!

Миссис Скайлер не сразу нашлась с ответом. Но затем сказала:

– В любой момент в доме появятся больше сотни гостей со всей провинции, среди которых не меньше дюжины – достойные холостяки. Твои сестры прекрасно подготовились ко встрече с ними, но ты, увы, судя по всему, решительно настроена отпугнуть их, скрыв все те достоинства, которыми так щедро одарил тебя наш Господь. Будь этот мир чуть лучше, тебе бы удалось привлечь мужа своим умом, но в этом мире мы, женщины, должны умело разыгрывать те карты, что нам сдали. Ты наденешь бордовое платье, приобретенное мной для тебя – за весьма значительную сумму, между прочим, – и парик, напудришься и спустишься к гостям с улыбкой на лице, будь эта улыбка фальшивой или искренней. И на все это у тебя есть час.

Элиза почувствовала, как кровь приливает к щекам, и с сожалением подумала, что, нанеси она чуть больше пудры, гневный румянец был бы не столь заметен.

– Нью-Йорк больше не провинция, – возразила девушка.
– Он является штатом с четвертого июля 1776 года.

Миссис Скайлер закусила губу. Прежде чем снова заговорить, ей пришлось сделать глубокий успокаивающий вдох.

– Молодые люди не любят скучные наряды, – отрезала она, – не говоря уже о девушках, которые знают явно больше, чем они сами.

Женщина снова повернулась к Дот.

– Ты оденешь мисс Элизу в выбранное мной платье и не выпустишь из комнаты до тех пор, пока ее кожа не станет белее снега.

– Нет, – заявила Элиза, – она этого не сделает.

– Извини?

– Я сказала, нет, мама. Я не надену это платье. Я совершенно прилично выгляжу и не имею ни желания, ни тем более времени, чтобы переодеваться. Если не ошибаюсь, первые гости уже прибывают.

Миссис Скайлер, казалось, сейчас взорвется от гнева, как забытый на плите чайник, но стук колес на подъездной аллее, похоже, заставил ее сдаться.

– Полагаю, в каждой семье есть паршивая овца, – холодно сказала она. – Вы двое, – продолжила, обращаясь к Анжелике и Пегги, – вниз, встречать гостей. Ваши улыбки должны сиять так ярко, чтобы никто не заметил в холле отстающих обоев. А что до тебя, Элизабет, постарайся быть как можно более незаметной. Возможно, мне удастся убедить гостей, что у меня всего две дочери.

Анжелика и Пегги сочувственно улыбнулись Элизе,

прежде чем двинуться вслед за матерью.

– Не понимаю я вас, мисс Элиза, – ворчала Дот, чуть туже затягивая бант на спине платья, чтобы подчеркнуть талию подопечной. – Вы же уже согласились надеть платье. Зачем было устраивать весь этот балаган? Только заставили миссис Скайлер злиться на вас.

– О, если не наряд, нашлось бы что-нибудь еще, – говорила Элиза, пока Дот разглаживала и одергивала ее платье. – Маме не нужна причина, чтобы отчитать меня.

Дот с этим не согласилась.

– Не знаю, почему она так беспокоится, – продолжила Элиза. – Вряд ли это самый важный бал года.

– Оно, конечно, так, но ведь Ренсселеры приедут, и Ливингстоны, и, конечно, тот самый знаменитый полковник Гамильтон. Брачный сезон открыт. Борзые спущены с поводков.

Элиза просияла.

– Тем лучше, ведь я вовсе не собираюсь становиться чьей-то добычей!

3. ПОСЫЛЬНЫЙ

Неподалеку от особняка Скайлеров, Олбани, штат Нью-Йорк

Ноябрь 1777 года

Все должно было случиться совсем не так. Этот момент должен был стать его триумфом. Лишь прослужив без малого год в качестве адъютанта генерала Вашингтона, он смог убедить главнокомандующего отправить его в Олбани для решения жизненно важных вопросов по военной части. Ему следовало вступить в переговоры с генералом Горацио Гейтсом, сменившим генерала Скайлера на посту командующего Северной армией, и добиться, чтобы он передал три своих батальона в распоряжение Континентальной армии, под непосредственное командование генерала Вашингтона. После успеха Квебекской кампании и возврата Саратоги военные действия на севере не отличались активностью, и войска нужны были южнее, для освобождения захваченного британцами Нью-Йорка и сдерживания натиска их войск, захвативших южные штаты и выжигавших бескрайние плантации табака и хлопка.

В общих чертах, все, что должен был сделать Алекс, — это доставить приказ главнокомандующего Американскими военными силами. Но Соединенные Штаты родились лишь

два года назад и, как любой ребенок в столь юном возрасте, неохотно подчинялись правилам. Генерал Гейтс, как и генерал Скайлер, впрочем, как и каждый сановный патриот – будь то Джефферсон или Франклин, Адамс или Мэдисон, – понимал, что война – это полдела, вторая же половина – то, что последует дальше. Молодой стране понадобятся новые лидеры, и военные победы героического генерала упрочат его шансы получить высокий пост: возможно, даже стать президентом, если республика изберет этот путь.

Были и такие, кто утверждал, что штатам Америки нужно сменить Георга III на собственного монарха, а среди них находились те, что считали авторитарность Горацио Гейтса как нельзя лучше соответствующей королю. Таким образом, официальное обращение, с которым прибыл Алекс, было скорее не приказом, а просьбой, доставленной со всевозможным тактом и почтением, но крайне настоятельной. В случае успеха Алекса ждали поощрение и рост авторитета – а, возможно, и командование собственным полком, о чем он мечтал с самого начала войны, – но поражение обрекало на смерть бесчисленное количество патриотов. Его радовала возможность поставить высокомерного генерала Гейтса на место, да еще и таким образом, чтобы старик ничего не заподозрил.

Но прямо перед отъездом из Морристауна, Нью-Джерси, где находились зимние квартиры Континентальной армии, генерал Вашингтон вызвал его к себе и дал еще одно пору-

чение. Континентальному конгрессу необходимо было обвинить кого-то в разгроме американских войск под Тикондерогой. Если бы в июле 1777 года форт не пал, Континентальная армия могла бы уже добраться до самого Квебека, а восточная часть Канады стала бы четырнадцатым штатом Америки. Но вместо этого войскам пришлось потратить целый год, чтобы вернуться на прежние позиции. И конгресс хотел обвинить в этом конкретного человека. А генерал Скайлер был командующим Северной армии, когда Тикондерога пала.

Вашингтон устало потер глаза.

– Похоже, отличный генерал пострадал из-за противоречивости собственных приказов.

Алекс возразил, что генерала Скайлера даже не было в Тикондероге, когда та пала. Он был далеко на севере, готовя вторжение в Квебек. А защитники форта столкнулись со значительно превосходящими силами противника и к тому же были застигнуты врасплох. В этом поражении не было ничего постыдного. Напротив, решимость, с которой они отражали атаки вражеских полчищ, заслуживала уважения.

– В самом деле, сэр, если позволите, – продолжил Алекс, – как бы это сказать... Наказывать генерала Скайлера за это поражение – все равно что наказывать мула за то, что он родился мулом, после того, как скрестили лошадь и осла: некоторые события неизбежны.

Подобное сравнение вызвало у генерала Вашингтона едва заметную, но столь необходимую сейчас улыбку.

– Если бы дело касалось исключительно военных действий, – сказал он, когда Алекс закончил, – я бы согласился с вами. Но, увы, здесь замешана еще и политика, а это дело мутное. Боюсь, генералу Скайлеру придется принести себя в жертву, если не ради армии, то ради своей страны.

Алекс отправился на север с тяжелым сердцем. Все то время, что он убеждал Гейтса подчиниться приказу главнокомандующего, перспектива неприятного разговора с генералом Скайлером омрачала его мысли. Он пока не встречал этого достойнейшего представителя нью-йоркской знати, но слышал много восторженных отзывов о его характере и семье – как о предках, отличавшихся безупречной родословной, так и о детях. Его дочери, судя по слухам, были одна красивее и умнее другой. И, возможно, одна из них могла бы проигнорировать отсутствие у Алекса достойной родословной и принести ему имя и связи, которых он был лишен от рождения по вине своего безответственного отца. Но теперь казалось сомнительным, если не сказать больше, что он сможет ухаживать за одной из дочерей человека, чью голову вот-вот подставит под топор.

«Есть и светлая сторона, – твердил он себе. – Может быть, это все лишь очередной ураган...»

* * *

Ураган 1772 года не получил имени, но если бы до это-

го дошло, лучшим выбором стало бы имя одной из фурий, древнегреческих богинь мести, одержимых жадой разрушения.

У Алекса тоже не было имени.

Он называл себя Гамильтоном, но с таким же успехом мог зваться Фоссетом, девичьей фамилией его матери, или Лавьеном, по фамилии ее первого мужа, потому что замужем за его отцом она никогда не была. Она не вышла за него, потому что уже была замужем за другим, от кого сбежала еще до рождения Алекса и о ком не желала говорить с сыном. Точно так же мать не желала рассказывать и об отце ребенка, после того как тот ушел из семьи, едва мальчишке исполнилось девять.

Этот человек, Джеймс Гамильтон, был четвертым сыном шотландского лэрда, который решил оставить семейные владения, имевшие звучное название (замок Керлоу), чтобы сделать состояние в Новом Свете. Никто не знал, правда ли это, но три богатейших карибских острова – Сент-Китс, Невис и Санта-Крус – то и дело обсуждали его очередную попытку разбогатеть и очередной разгромный провал. На самом деле, единственное, что Джеймс Гамильтон действительно умел, – это исчезать в неизвестном направлении. Так же, как оставил свою семью в Шотландии, он бросил жену и детей на Санта-Крус.

Алекс регулярно писал отцу, а иногда даже получал ответ, но больше никогда его не видел, и после смерти матери

одиннадцатилетний мальчик понял, что он совершенно один в этом мире. У них со старшим братом не было родственников, способных взять на себя заботу о двух детях. Джеймса забрала на воспитание одна семья, а Алекс попал в другую. Его не усыновили – скорее, взяли в услужение. Мальчику приходилось отрабатывать свое содержание в семейной конторе в порту, но и это было еще не все. Когда приемная семья Алекса решила покинуть Санта-Крус, они бросили его, на тот момент едва вышедшего из детского возраста, выживать самостоятельно.

Но в маленьком островном сообществе он уже успел зарекомендовать себя весьма сообразительным парнем, поэтому ему удалось найти работу в одной из контор в доках. С одной стороны, та была унылой: считать грузы, следить за постоянно меняющимися ценами на ходовые товары и подсчитывать чистую прибыль и убытки. С другой, это было захватывающе: огромные деревянные корабли, каждый размером с хороший особняк, швартовались в гавани, и на берег сходили команды со всех уголков света. Западная Африка, Лиссабон, Канарские острова, Лондон, Нью-Йорк, Новый Орлеан, Саванна... Моряки рассказывали истории об огромном мире, которые заставили Алекса осознать, сколь замкнут и ограничен мирок Санта-Крус, а также разожгли желание узнать, что лежит за его пределами.

Истории моряков были потрясающими, а вот груз кораблей совсем не казался привлекательным, поскольку судна,

швартующиеся у берегов Санта-Крус, в основном везли рабов.

По закону, фрахтовщики должны были «избавиться» от той части груза, что не пережила долгий путь через Атлантику, прежде чем кинуть якорь в порту. Проще говоря, команде нужно было выкидывать тела захваченных в рабство африканцев, умерших в оковах, в океан, до того как корабли придут в Санта-Крус. Но один-два мертвеца всегда были среди той мрачной толпы, что выгоняли, а зачастую и выносили из огромных, темных, дурно пахнущих трюмов. У тех, кто пережил мучительное трехмесячное плавание в оковах, на занозистых, кишачих вшами и крысами лежанках, мышцы так атрофировались, что они едва стояли, а кожа сплошь была усыпана язвами.

Но больше всего Алексу покоя не давали их глаза, поскольку, хоть он и не знал их языка, а они не знали его, во взглядах он легко читал понимание ждущей их жестокой, несправедливой судьбы. Каждая галочка, которую он ставил в списках «живого товара», наполняла его стыдом, ведь за ней скрывалась человеческая жизнь. Несколько сотен фунтов перейдут из рук в руки на невольничьем рынке, затем пара лет рабского труда на тростниковых полях – и жизнь покинет их истощенные, искалеченные тела.

Санта-Крус был частью невероятно богатых Антильских островов, чьи плантации непрерывно поставляли громадные количества сахара, чтобы удовлетворить сладкоежек Евро-

пы, и непрерывно поглощали внушительные партии рабов, чтобы выращивать и собирать сахарный тростник. Спрос на сахар был таков, что маленький архипелаг, общей площадью меньше штата Нью-Йорк, или Массачусетс, или Вирджиния, имел больший доход, чем все северные колонии вместе взятые. Но все это богатство добывалось ценой неисчислимых тысяч жизней, каждая из которых стоила не больше обычной черной галочки, не глядя поставленной рукой белого человека.

Поэтому пять лет назад, когда ураган надвигался из Атлантики огромной мрачной стеной, а перед ним, словно рябь от шлепка ладошкой по глади пруда, неслись гонимые чудовищным ветром волны высотой в двадцать, а то и в тридцать футов, какая-то часть Алекса надеялась, что шторм накроет весь остров и смое прочь всю грязь и страдания. Здания рушились как карточные домики, столетние деревья взлетали в небо как семена одуванчика, а десятифутовые стебли тростника скрывались под толщей воды, хлынувшей на остров с яростью разгневанного льва. Когда утих ветер и схлынула вода, вокруг, насколько было видно глазу, царила чудовищная разруха.

Как истинное дитя Карибов, Алекс пережил не одну дюжину ураганов, но подобного этому ему встречать не доводилось. Пытаясь осознать масштабы разрушения, ничтожность человеческих желаний в сравнении с яростью стихии, он описал ярость урагана в очередном письме к отцу. Одна-

ко, прежде чем отправить, показал написанное Хью Ноксу, пастору, бывшему одновременно наставником Алекса в вопросах учебы с тех самых пор, как сбежал его отец и умерла мать. Алекс хотел, чтобы взрослый, ученый человек проверил правильность написания слов, но Нокс даже не думал критиковать письмо или исправлять ошибки. Он воспел хвалу слогу и стилю и даже попросил у Алекса разрешения опубликовать его в *Королевской Датско-Американской газете*, которая сообщала новости Карибов остальному миру. Алексу это польстило, и он согласился. Тогда он даже не подозревал, что это письмо может принести ему какую-нибудь выгоду. Поэтому, когда преподобный Нокс сообщил, что несколько состоятельных граждан провинции Нью-Йорк были так впечатлены его талантом, что выделили определенную сумму денег на его переезд на север и организацию дальнейшего обучения, Алекс решил, что пастор шутит над ним. Но предложение и, что более важно, стипендия вместе с билетом первого класса были абсолютно реальными. Менее чем через месяц после опустошившего Санта-Крус урагана Алекс покинул острова своего детства и отправился в холодные северные земли. В возрасте семнадцати лет он впервые в жизни увидел снег. Тот был белым как сахар и, по мнению Алекса, таким же сладким.

Последующие годы слились в один миг после того, как он погрузился в учебу в Королевском колледже, намереваясь сделать карьеру законника, а затем бросил колледж, что-

бы вступить в ряды борцов за независимость. Все покровители, оплатившие его переезд, происходили из самых уважаемых семей северных колоний, но даже среди них выделялся Уильям Ливингстон, потомок знатного нью-йоркского клана, который взял Алекса под крыло и частенько приглашал в дом. Дочь Ливингстона, Китти, была красивой, полной жизни девушкой, знающей о своей красоте и богатстве и не стесняющейся выставлять их напоказ. Хотя речи об этом не заходило, Алекс понимал, что покровительство Ливингстона не означает принятие в семью в качестве зятя безродного карибского иммигранта. Так же, как Алекс, Ливингстон был потомком младшей ветви знатного рода, но, в отличие от отца Гамильтона, он добился высокого положения своей семьи и не намеревался теперь смешивать кровь с кем попало. Однако это был Новый Свет, где человек мог сам сделать себе имя. И Алекс должен был придать вес фамилии Гамильтон, а не жить в тени имени Ливингстона.

Именно от Китти Алекс впервые услышал имя Элизабет Скайлер. Дочери Ливингстонов и Скайлеров были знакомы (и даже находились в отдаленном родстве, как, впрочем, большинство знатных семей штата Нью-Йорк). Хотя Анжелика и Пегги больше походили на Китти характером, ей всегда была ближе Элиза – вероятнее всего, потому что в каждой девичьей компании есть место лишь для одной отчаянной кокетки, и среди своих подруг Китти с гордостью его занимала.

Китти знала, что брак с нищим Алексом Гамильтоном даже не обсуждается, но была более чем счастлива пококетничать с ним за столом или протанцевать кадрили до четырех часов утра. Но между танцами она, не переставая, возносила хвалу своей подруге из Олбани.

Направляясь со столь неприятной миссией в особняк Скайлеров, Алекс живо вспоминал, что тогда сказала Китти, хоть саму ее он уже почти забыл.

– Элиза – такой же книжный червь, как и вы. Она интересуется всеми этими новомодными идеями. Независимость, демократия, отмена рабства и тому подобное. Думаю, она даже замуж выйдет за человека без имени и состояния, лишь бы он разделял ее взгляды.

«Хм, – подумал Алекс, – девушка из знатной семьи, которая могла бы стать женой человека без родословной»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.